

Родюков А. Самарский меннонит. Известия Императорского Русского географического общества 11 (1875), в. 2639.

Самарский меннонит^{*)}. Со дня манифеста Екатерины II, призывавшей иностранцев селиться в России, до 1804 года правительство, путем поселения иностранцев в России, имело в виду только заселение пустопорожних мест Юга России и берегов Волги, и только с 1804 г. начинает высказывать, что поселения эти должны иметь и культурно-образовательное назначение. Наши комиссары за границей сначала принимали желающие выселиться в Россию без разбора, вследствие чего на долю, например, Поволжья достались «подонки» Германии. Сюда пришли промотавшиеся купцы, банкиры, офицеры и даже преступники, — всего менее сколько-нибудь благонадежных земледельцев. Весь этот сброд, в течении 3—4 лет, был перемещен в низовье Поволжья. Повидимому эти иностранцы не обещали дать культурно - образовательного значения краю; но уже во время выставки произведений Саратовской губернии в Саратове в 1837 году, по случаю приезда Государя Наследника, ныне благополучно царствующаго Государя Императора, мы видим, что пальма первенства за выставленные образчики производства принадлежит немцам - колонистам. Так колонисты Царского округа представили масла: конопляное, льняное, рыжиковое, репсовое и сурепное, очень хорошей отделки; пряжу из мериносовой шерсти, колониста Шмуккера; бумажную пряжу 10 сортов, от колониста Фульца; бумажные платки колонистов Фальца, Идта, Шефера, Бейдера, Кема, Гельвига и общ. Сарептского; холст очень хороший, различных сортов—от колонистов Норкинскаго округа. Ковры, сукна, одеяла, сита, полотна, шляпы, картузы, дорожные сумки, фуфайки, чулки и проч. от колонистов различных округов; медный кофейник, термометр, солнечные часы, самовар, одометр, обливанная глиняная посуда, — Сарептян; складная кровать и столик Куна. Эти немногие данные показывают, что выходцы из Германии отчасти оправдали ожидания правительства — культуризовать край. Переселение меннонитов в Россию началось с 1787 г., в Новороссию. Это «нищее, беззащитное братство», как они себя называли в Германии, следует учению Менно Симонса (ум. 1561 г. См. *Fundamente der seligmachenden Lehre unseres Herrn Jesu Christ aus Gottes Wort, kurz zusammengefasst von Simons Menno*) Менно Симонс отвергает духовную иерархию и вообще священство, присягу, войну и всякаго рода возмездие; требует крещения не младенцев, а исключительно одних взрослых; запрещает своим последователям отправлять каких-либо правительственных должностей и военной службы, хотя правительство признает необходимым. Менно, признавая личную свободу своих последователей,

^{*)} Эту интересную статью, принадлежащую г. А. Родюкову, заимствуем из «Саратовскаго Справочнаго Листка». Ред.

указывает и дисциплинарные средства благочиния — церковное отлучение. Около 1540 г. последователи Менно перешли из Нидерландов в запад. Пруссию, в окрестности Данцига, и заняли здесь так называемую Мариенвердерскую низменность. Эту бесплодную низменность в короткое время братство обратило в цветущий сад богатых нив. До 1780 года меннониты, пользуясь правами собственников данной им земли, не были привлекаемы к отбыванию воинской повинности; но с этого времени, взамен военной службы, на них наложен был сбор

в 5,000 талеров. Девять лет спустя, прусское прав. лишило их права приобретать поземельную собственность; право это возвращалось лишь тем из них, которые обязывались подчиниться рекрутской повинности. Вследствие этого меннониты стали готовиться выселению в Россию. Пруссия, хотя и признавала, что она много теряет от выселения из государства этих испытанных, лучших хозяев, медлила, однако сделать им уступку и только в 1868 году в Пруссии прошел закон, по которому меннониты обязываются нести воинскую повинность только в фуражниках, лазаретах и подобных недействующих оружием командах. Поселения меннонитов в Сам. губ. относятся к 1855 году. В это время взгляд правительства на дело колонизации совершенно уже изменился. Меннонитам, водворяющимся с 19 ноября 1851 года в Сам. губ., никаких исключительных привилегий не дано, кроме обыкновенных кратковременных льгот; земли им отводятся не иначе, как со взносом обеспечения от 350 до 700 прусских талеров на каждого хозяина и с обязательством, по истечении льготного времени, нести все общие податные сборы и повинности, и в том числе, деньгами, и рекрутскую повинность. Наконец, в виду совершившихся уже важных реформ, высочайшим Указом Правительствующему Сенату, 1 января 1874 года, от рекрутской повинности меннониты Сам. губ., как поселившиеся после 1851 года, не освобождены. В настоящее время меннониты Самар. губ. живут в двух уездах: Новоузенском и Самарском, в следующих селениях:

В Новоузенском уезде	Когда основаны.	Всего надела дес.	По 10 рев. чис. душ муж. пола.	Надел на душу
1. Кеппенталь	1854, 1855, 1862 г.	1756,2	56	24,3
2. Ганс-Ау		1609,5	59	23
3. Линден-Ау		1729	59	29
4. Фрезенгейм		1505,6	52	28,9
5. Гогендорф		1619,8	43	37,7
6. Лизандерге		1745,4	10	145,4
Всего		9987	279	

Примеч. Земли занятой в Новоуз. уезде и предназначенной к поселению меннонитов 17,301,3 дес. Ненаделенных участков 8, в Ганс-Ау. На семейство приходится по 65 дес. В Лизандерге предназначено еще переселить 23 семьи.

-400-

В Самарском уезде.	Когда основаны.	Всего надела дес.	По 10 рев. чис. душ муж. пола.	Надел на душу.
Александрталь	1858	1720	38	42,7
Нейгофнунг	1862	1828	45	36
Мариенталь	1863	1748	25	65
Гротefeld	1863	826	14	55,7
Муравьевка	1863	1109	27	38,4
Орлов	1866	224	11	20,3
Мариенау	1866	289	10	28,9
Всего	—	7727	170	

Количество всей земли в Самар. губ., отведенной под поселения меннонитам, 25,028,3 дес. Всего семейств меннонитов в Сам. губ. по 10 ревизии 246, всего дворов, 265, всего душ 449; не наделенных участков 8. Колонии меннонитов Сам. губ. устроены по образцу молочанского братства. Как у молочанского меннонитского братства личность поглощается обществом, так и у наших меннонитов община зиждется на двух началах: общинном, как факторе консервативном, господствующем, и личном, как факторе прогрессивном, но подчиненном первому. Эти два базиса дают направление всей деятельности братства. Каждая единица в

братстве не является абсолютно-самостоятельной, она связана религиозными убеждениями, нравственность находится под контролем общины, личность поглощается общиной. Вот причины солидарности меннонитов. Естественно, что при таких условиях братство это является единоличным в своих стремлениях. Заклучаясь в тесные рамки своего религиозного общества, оно выработало девиз: «колонизировать пустые места», и, как результат этого положения—«один только труд возвышает человека в глазах других и в собственных глазах». Нисколько неудивительно поэтому, что солончаки обращают они в плодоносные поля, болота в сады. etc. «Весь свет с удивлением смотрит на меннонитов, весь свет считает их лучшими хозяевами...» пишет Контениус о новороссийских меннонитах в одном из своих писем. Посмотрим тепер, остались ли верны наши меннониты своему положению: «труд возвышает человека». Нам случалось слышать отзывы о меннонитах еще в Каз. губ., от одного опытного, ведущего образцовое хозяйство в своем имении профессора Б. Он говорил, что «в хозяйстве русского хозяина, не смотря часто на отличное ведение дела в частях, нет гармонии в целом: я хороший пчеловод, но плохой хозяин относительно обработки земли; у нас одно сельское занятие исключает другое, между тем как хозяйство наше никогда не является односторонним. Вот главная причина малопродуктивности наших имений. Подобное явление не замечается у меннонитов, несмотря на то, что часто они владеют значительными участками, пригодными не для одного только земледелия, но и для различных, промыслов. Я был в Кеппентале два раза и всякий раз проникался все более и более уважением к этим труженикам, к этим разумным труженикам, между тем как рядом с ними же, в других колониях, особенно у католиков, нет этого разумного

-401-

труженичества....» Вот отзыв известного труженика науки. Кеппенталь, не смотря на недавнее свое основание (1856 г.), служит предметом удивления всех там бывших. Некоторыми колония эта называется Korfenthal и не без основания: она может считаться самой лучшей, самой образцовой по применимости построек. Трудолюбие здесь превзошло себя. Мне случалось одновременно побывать во всех колониях меннонитов Сам. губ., но я не нашел ничего лучшего как Кеппенталь. Чистенькие постройки тянутся в одну улицу. Ручей, протекая по деревне, окопан и берега его засажены деревьями. Вот эти-то деревья и придают ту особенную прелесть, особенную красоту, которая заставляет обратить на себя внимание. Сады и всякая лесная растительность в здешнем краю считаются роскошью, в Кеппентале же необходимою принадлежностью каждого дома. Позади каждого дома расположен сад. Деревья отличаются разнообразием пород: здесь вы встречаете акацию, орешник, осину, эльбаум, тутовое дерево, виноградное, крыжовник, малину и т. д. Все это не перемешано в беспорядке: всякому кусточку, каждому дереву отведено здесь определенное место. Хозяйский глаз виден в мелочах. Видно, что каждый кустик, каждое дерево не выросло здесь само собою, что этот уголок для отдыха после трудов создан рядом усилий, что каждый кустик привезен сюда из других мест. Между кустами тутового и виноградного деревьев расположены беседки. Густая тень этих кустарных растений дает тень и прохладу даже в знойные часы дня. В одной стороне сада насажены огородные растения, обличающиеся также своим разнообразием. Перед входом в сад разбиты клумбы для цветов. Из сада вход прямо в дом. Дом разделяется на несколько комнат; кухня отделена от комнат холодными сенями. Хозяйственные постройки отличаются своей приложимостью, миниатюрностью. Постройки, предназначенные для содержания скота, малы по величине, но уютны по расположению. Пол отличается чистотой, редко встречающейся в крестьянских избах. Миниатюрность построек здесь, как выразился одновременно бывший со мной в Кеппентале один русский хозяин, «доходит до смешного». С известной точки зрения, пожалуй и правда. Мы вместе осматривали с конным приводом мельницу (в первом доме на левой руке при въезде в Кеппенталь с дороги из села Воскресенского). Мельница вместе с помещением привода едва ли занимает 8 кв. сажень. Она устроена на два постава; жернова французские, по 5 ½ четв. в диаметре. Под жерновами устроены сита, а сверх жерновов сортировка. Для избежания распылки муки,

жернова устроены в глухих шкафчиках, спереди плотно завешанных полотном. Одна лошадь приводит в движение обе снасти. Помещение перед жерновами на столько мало, что двум человекам едва возможно разойтись. Ящик для ссыпки обработанного хлеба едва вместить до 5 пудов. Пыли-же, свойственной вообще мельницам, здесь положительно незаметно. «Всегда из копеек рубли делаются», отвечал хозяин на замечание о миниатюрности постройки, малопродуктивности ее. — Подобного устройства мельницы встречаются почти во всех меннонитских колониях, они для них важны тем, что у мельниц, построенных на речках, наир. Тарлыке, Еруслане, благодаря бурным весенним водам, ежегодно

-402-

сносятся плотины и вследствие этого мельницы не работают 2—3 месяца, — а между тем меннонит не имеет привычки запастись обработанным хлебом на долгое время. Постройка их имеет отчасти и другие мотивы. Меннонит в общине любит иметь все свое.

Касаясь описания хозяйства меннонита, невольно увлекаешься порядком, аккуратностью до мелочей. Впрочем, в этом нет ничего удивительного; увлекаются даже немцы не-меннониты. Они называют его хозяйство не иначе, как «бьет на шик», «мало пользы». Действительно, с точки зрения нашего хозяйства, у меннонита много педантизма, все на лоску, все приготовлено как будто для показа; заставить хозяина в расплыв невозможно. Аккуратность даже не-немецкая. Вот почему наши русские хозяева, осмотрев хозяйство меннонита, относились к нему недоверчиво, критически. Здесь у него все является как бы для других. Характер русского хозяина никак не может понять, к чему эта чистота, эта «мелочная чистота», поглотившая, кажется, все существо меннонита. Чистота и аккуратность, проявляясь в мелочах, представляют целое в гармонической связи, что особенно резко проявляется, когда мы рассмотрим все его хозяйство. Переселяясь в Россию 20 лет тому назад, они выказали на первых порах, всю свою непрактичность относительно России и её жителей. Известно, что меннониты пришли в Россию не с пустыми руками, что они пришли с капиталами. На первых порах, получив земли, они в приобретении хозяйственных фондов не раз служили игрушкой наших крестьян. Покупая, напр., лошадь, корову, они, по обычаю в Германии, спрашивали продавца, что он заплатил за лошадь и какие желает иметь проценты, как выгоду за продаваемую корову или лошадь. Веря на слово о стоимости лошади, они охотно давали 10% пользы. Подобные покупатели естественно создали целую коллекцию поставщиков; но меннониты вскоре же увидели себя весьма часто обманутыми. Открытие это заставило их кинуться в другую крайность, они прекратили почти всякие сношения с русским населением и в крайних только случаях сносились с русскими, относясь к ним, по составленному заранее понятию по первым поставщикам, крайне недоверчиво, — чем не мало вредили своему младенчеству хозяйству, требовавшему поддержки извне. — При таких-то условиях выросло чрез 20 лет меннонитское хозяйство. Устраивая, по небывалому этой местности образцу, свое хозяйство, борясь с препятствиями извне и внутри, меннониты убили все свои деньги или в землю, или в недвижимость, и таким образом невольно прикрепили себя к земле. Таким образом, этот неуживчивый, самостоятельный народ закрепил себя за Россией, стал оседлым. Порвавши, на первых порах, сношения с русскими, предоставленные исключительно самим себе, они обошлись без посторонней помощи, и вот у них создаются свои мастерские, являются кузнецы, слесари, столяры и проч. Таким образом в этой маленькой общине, с первого же шагу, является правильное разделение труда, и здесь, в ремесле, как и в хозяйстве домовом, лежит таже, присущая только меннонитскому хозяйству, аккуратность, чистота отделки.

Отдельные члены, поддерживая солидарность в своих Стремлениях, становятся самостоятельными от постороннего элемента, получают

-403-

самостоятельное отправление своей деятельности. Ранее я сказал, что отдельная личность в меннонитском обществе поглащается всем обществом. Там единица не имеет того

абсолютного значения, которое замечается в среде других немцев-колонистов; там нет кулаков, эксплуататоров, нет того, что мы называем «уметь пользоваться обстоятельствами». Отдельная личность, находясь под нравственным контролем общества, солидарная в интересах с целым, легко, с готовностью, ради собственных своих выгод, подчиняется общему желанию без всяких понудительных мер. Эта-то солидарность и служит краеугольным камнем благосостояния меннонитов. Член общины, нравственно подчиняясь общине, в то же время является свободным в своей деятельности, лишь бы деятельность эта не нарушала общей гармонии. Как аккуратность в хозяйстве поставлена в основу хозяйства, так и аккуратность, честность лежат в основе отношений хозяйственных членов общины между собою. Ремесленник обязан честно, добросовестно исполнять данные ему заказы; иначе он будет лишен работы и на место неисправного выдвинется другой ремесленник, созданный потребностью. Таким образом хотя здесь и нет конкуренции, но ремесленник боится общины, деятельность его находится под контролем общины, и если-бы он захотел обмануть одного члена, то, по теории меннонитов, он обманывает целую общину и лишается ее покровительства. К несчастью, подобные понудительные меры, по своей узкости, не сдерживают меннонита-ремесленника от искусственно сдерживаемых в его общине замашек при работах не для меннонитов. Здесь предоставляется ему полная свобода обманывать, и действительно здесь вся его грубая, недальновидная природа заявляет свои права. Вот почему у нас до-сих пор, при полной возможности выдвинуться своими работами, меннониты-ремесленники, при всей своей способности к работам, даже в своем районе не пользуются доверием. Естественно, благодаря такой близорукости в отношении не к меннонитам, они теряют многое.

В семейном быту меннонит хотя и находится под контролем общины, но здесь он является самостоятельным, единоличным представителем семьи; его жена ведает только домашнее хозяйство, не имея ни малейшего права вмешиваться в дела своего мужа. В отдельном семействе резче всего заметно разделение труда. Едва подрастет ребенок, его приучают, смотря по полу, к систематическому труду. Не позволяются даже детские игры, если они не имеют в виду труд, если они не имеют в виду известную пользу. Ребенок здесь учится жить не по книжке, а берет пример с своих родителей, со всеми их дурными и хорошими сторонами. Более всего меннонит обращает внимание на воспитание мальчиков. Он знает в деле воспитания только одно педагогическое правило, что хороший пример для ребенка дает хорошие результаты в развитии характера. Создать характер из своего сына — награда за всю тревогу, за все попечения меннонита-отца. Он ощупью дошел до многих, только недавно еще выработанных педагогических приемов воспитания. Фребелева метода известна им давно, далеко прежде появления её в свет. Школьное воспитание, по понятию меннонита, не должно

-404-

идти в разрез с жизненными требованиями общины, и потому учителя они поставили под контроль общины, девочка с малолетства приучается к домоводству: выходя замуж, она приходит в семью своего мужа уже опытной хозяйкой. Семейство сходится вместе только за пищей; остальное же время каждый из членов семьи при своем деле. Замечательно, что ни в одной колонии меннонитов не встретите маленьких детей на улице без присмотра. В летнее время колония точно вымерла, остаются только женщины, которые никогда не сносятся с посторонними лицами, если только они не близкие люди в доме. Вечера, преимущественно зимние, и праздничные дни, после обеда, и вечер посвящаются чтению газет, журналов. Редкий можно встретить меннонитский дом, где не выписывалась-бы хотя одна немецкая газетка; чаще всего встречаются дешевенькие иллюстрированные газетки или газетки «всезнающая», всеобщающиеся в роде Echo, Ueber Land und Meer etc.

До сих пор я говорил о экономич. и социальных началах меннонитского братства только с хорошей стороны, показал только наружную сторону медали, не относясь критически к этим «образцовым, выдержанным людям». Прогресса, повидимому, к личной самостоятельности не замечается, а между тем общество это, так ревностно охраняющее чистоту своего братства,

невольно поддается постороннему веянию. Прогрессивное, индивидуальное начало начинает заявлять свои права. Отдельная личность, замкнутая в узкие рамки общественной воли, требует своих человеческих прав; церковное отлучение является уже редким и не ведет за собой общего отчуждения. Единственная связь общества — нравственный, общественный контроль над единицей — едва-ли прочна, едва-ли вследствие нового «веяния» не изменится строй братства. Вероятно, недалеко то будущее, когда замкнутость, отчуждение общины от общества рушатся сами собою и примут начала нашего сельского населения. Бремя это тем более желательнее, что даровитые, опытные искусные силы возвращаются до сих пор в узкой сфере своего братства, относясь к обществу с точки зрения своего братства — «служить только братству», не внося до сих пор еще в общественную кладовую своих дарований, Реформа о земских учреждениях начала уже приводить в исполнение, а общая воинская повинность вероятно окончит означенное желание.

-405-